

урегулирования ни путем видоизменения обычного права, вследствие уничтожения носителя этого права Войскового Круга, ни посредством определенного сепаратного имперского законодательства, привели хозяйство Войска Донского к тяжелому кризису, способствовали расхищению лучших казачьих земель донскими дворянами и тем — созданию ужасной чересполосицы, со-

действовали расхождению единой равноправной массы казачества на простых казаков и привилегированных дворян и образованию крепостного крестьянства на Дону. Все это имело своим следствием в дальнейшем возникновение такой сложности и запутанности аграрных взаимоотношений на Дону, которая оказалась роковой в жизни донского казачества.

Д-р С. Федоров.

Донцы в наследии Чингис-Хановом.

Прошлый год был обогащен одним из величайших, но бывающих так частыми. Мимо него прошли бы все, если бы интерес всего света не был затронут сенсационным сообщением об открытии русского путешественника и ученого археолога, профессора Козлова. Он нашел среди неисследованных песков необъятной пустыни Гоби могилу легендарного завоевателя света и владельца гигантской монгольской империи Чингис-Хана.

Интересно отметить то обстоятельство, что это известие об открытии гроба Чингис-Хана совпало как раз с седьмым столетием со дня смерти, последовавшей 18-го августа 1227 года.

И нам, казакам, есть чем вспомнить былое, ибо более чем семьсот лет назад казачьи предки, русско-бродническое население берегов Дона, выступили на поле ратном в рядах армии Чингис-Хана, в роли его союзников, против ополчения русских князей. Донцы сражались с ними в достопамятном побоище на скалистых берегах реки Калки, притоке Калкуса, возле донских границ (недалеко от гор. Мариуполя) и решились участь боя в пользу своих союзников монголов.

Остатки Азовско-Черноморской Руси, древне-русское население Тмутараканского княжества, главным городом которого была теперешняя Тамань, на Кубани, после разгрома Батыем княжеской власти на Руси вошли в состав организованной Чингис-Ханом могущественной Монгольской империи. Они жили там своею самобытной жизнью, пользуясь полнейшей автономией, пока не начался кризис великого Чингис-Ханова наследия и новые могущественные завоеватели Тахтамыш и Тамерлан не внесли, огнем и мечем, руину в северокавказские и донские края.

По среднему и нижнему течению Дона, по его притокам и на Кубанском побережье Азовского и Черного морей, еще в незапамятные времена, задолго до установления в этих краях Киевским великим князем своей власти, жили многочисленные воинственные племена славяно-русов. Они были известны своею храбростью и отвагой не только у ближайших соседей, на которых они не раз предпринимали набеги за добычей, но и у отдаленных народов.

Особенно часто о них вспоминают арабские ученые и путешественники. Арабам, в их завоевательных походах на Кавказ, не раз приходилось сталкиваться с тамошними руссами, жившими полуполоседлой жизнью и занимавшимися охотой, рыболовством и горными промыслами. В их владениях были богатейшие серебряные рудники, единственные в то время на востоке Европы, значение которых приравнивалось арабами к знаменитейшим серебряным рудникам в мавританской Испании.

Линия северных донских городков простиралась по рекам Хопру и его притоку Великой Вороне; за ними на восток было царство болгарское, а к северу — Дикое Поле, хазарско-половецкие степи, за которыми начиналось рызанское княжество, принадлежавшее вначале к Черниговской системе.

В этих городках, защищенных от проникновения степняков дремучими байрачными лесами, сосредотачивалась культурная жизнь Подонья. Там находились церкви, монастыри, а с ними нераздельно и школы. Туда удалялись на покой престарелые и утомленные непрестанной борьбой на донском юге люди в те времена, когда волна кочевников отрезала Тмутаракань

от Киевской державной системы и потеснила древне-русское население под защиту гор и лесов донецкого края и Червленого Яра*).

С прекращением княжеской власти на Тмутаракани в 1194 г. донское население, крохотко сохранившее в себе основы вечаевого устройства, продолжало жить неликом независимой жизнью, решая самостоятельно политические и военные вопросы.

Уже тогда эти „бродники“, как их называют древнерусские летописи, представляли из себя прекрасный боевой элемент. К нему не раз обращались за помощью удельные русские князья, в своих междоусобных войнах; так поступали они еще в XII столетии, до появления монголов в приволжских степях. С распространением же монгольской власти и на Подонье, характер донской жизни несколько изменился.

Донцы вошли в состав союзнно-вассальных земель, непосредственно подчиненных хану и играли роль военных его помощников, неся одновременно сторожевую службу фронтом на север и северо-восток, против воинственных финских племен, населявших бывшее царство Болгарское.

Творцом и организатором могучего монгольского государства, в которое вошли донцы, был Чингис-Хан, что в переводе значит Великий хан. Основное имя его было Темучин. Родился он, по одним известиям в 1155-м, а по другим — в 1162-м годах в Ононе, принадлежавшем его отцу Езукану Бегатеру, вождю одной из незначительных монгольских орд.

Великий завоеватель и победитель, серебряный гроб которого, по докладу путешественника Козлова, покоится на 78-ми коронах покоренных им владельцев и князей, был выдающимся организатором мирной и культурной жизни в своей бесконечно огромной империи, выросшей из неизвестных песков средней Азии и в них же упавшей.

Талантливый вождь, он был также отличным организатором и политиком. В первый же период своего владычества он прекрасно организовал устройство и снабжение своих войск, внутреннее общественное самоуправление, завел строгий порядок и хорошее справедливое правосудие, принятое на долгие века в системах татарских орд. Сколь оно было высоким можно судить из того, что известный литовский юрист XVI века ставил современное татарское правосудие и образец литовско-польскому, а на Литве тогда уже существовал знаменитый законник „Литовский Статут“, сборник обычного русско-литовского права и наследник „Русской Правды“.

Чингис собрал народные права и юридические обычаи в книгу, названную „Яса“, разделяющуюся на две части — установления закона назывались „Джисик“, а его руководящие изречения — „Бисик“. Чингис заветал сбергать их на вековые времена и всегда строго руководствоваться ими.

Эти собрания законов долгое время служили основным правом монгольских орд и оказывали влияние на право подвластных народов.

Кодекс законов Чингиса изданный перед смертью, есть свидетельством великой государственной дальновидности хана и огромного понимания нужд присоединенных народов.

* Местность по левому берегу Дона, от устья Медведицы до Хопра и Волги.

Чингис был религиозно терпимым во всех отношениях. Его главными государственными советниками и помощниками были культурные деятели покоренных христианских народов. В войсках его находились массы христиан. Он умел понять нравственную силу, проявляющуюся в религии каждого народа и извлечь из его культуры наиболее ценное.

Кто жестоко, насыщенный людской кровью, время Чингис сумел оставить изречение, даже и наши дни принадлежащее к наиболее прекрасным изречениям всей человеческой культуры:

„Уважаю и почитаю всех четырех (Иисуса, Магомета, Моисея и Будду) и прошу того, кто из них в правде наибольший, чтобы он стал моим помощником“.

Мысль, что он может умереть прежде осуществления своих планов преследовала Чингиса и он обратился к одному китайскому бонзе за наветком бессмертных.

Все свои планы реализовать ему не удалось, но бессмертным все же Чингис стал и не только в сказаниях монгольских народов.

Перед тем как предпринять военную экспедицию, Чингис-Хан, при посредстве купцов и путешественников, детально изучал страны, куда желал двинуть свои армии. Он знакомился с их бытом, социальным и политическим устройством, и только тогда пускался в поход, выступая всегда в роли освободителя от тирании тамонных владетелей. Прежде всего Чингис-Хан старался овладеть симпатиями и расположением населения дипломатическим, а не вооруженным путем.

Те же средства применили монголы в первое их появление в Европе. Преследуя противника знаменитый полководец Чингиса, Джебе, бывший раньше его прагом, продвинувшись из Закавказья в Азовско-Черноморские края, первым делом постарался привлечь на свою сторону обитателей Подонья — бродников. Он всегда умело использовал недовольства жителей и при вступлении на чужую территорию оглашал, что мирные жители не понесут никаких убытков и разорений и могут исповедывать религию, какую желают.

В те времена, когда в Европе господствовал принцип *cuius regio eius religio* (чья власть того и вера), веротерпимость была поистине великим дипломатическим козырем в руках монголов.

Неудивительно, что подонское население присоединилось к ихней армии, изумительная дисциплина которой была такова, что все распоряжения и объявления полководцев выполнялись беспрекословно.

В цель похода Джебе и Сугедея не входило вооруженное столкновение с русскими князьями, по последним решил поддержать половцев, разбитых монголами, и сам вступил в войну. Они нанесли Чингису величайшее оскорбление по понятиям того времени — князья перебили присланных к ним монгольских послов. Однако монголы не были спровоцированы в этом поступком, Джебе вторично выслал послов к месту сбора княжеских ополчений на Днепре, предлагая им мир и желая только выдачи половцев, как своих хозяев.

В результате княжеского отказа и произошла кровавая битва на Калке, в которой в рядах монголов приняло участие, по словам одного из историков Дона, 30.000 донцов. Древне-русские летописи осуждают поведение бродников и их волеводы в этой битве; оно и понятно — летописи писали русские монахи, а им были незнакомы и непонятны причины, побудившие выступить донцов, вернее Азовско-Черноморскую Русь, на стороне монголов, против русских князей.

Причин было несколько: во-первых степная Русь, давно уже отрешившаяся кочевниками от Киевской державной системы, утратила чувство государственного единения с остальной Русью. Оно, вообще, едва ли успело прийтись к степнякам в период Тмутороканского княжения в 988—1094 г.г.

Строгая политика консолидации Русской державы и централизации княжеской власти проводилась на Руси только до смерти Ярослава Мудрого. Да и то он после вооруженного выступления своего брата Мстислава, тогда князя Тмутороканского, принужден был разделить наследие Владимира Святого на две части.

Система Терниговская, захватывавшая Тмуторокань, Рязань, Муром — отошла к Мстиславу, а Киев с остальной частью Руси достался Ярославу.

Потом настал удельный период, а с ним — неурядицы, междоусобия, смертельная ненависть князей друг к другу. Убийства и открытые и из-за угла, отравления, уличение родственных князей-соперников никак не могло снискать симпатий вольного степного народа к представителям княжеской власти.

Борьбу князей между собою они уже видели и в Тмутороканский период. Тамань служила тогда убежищем князей изгнанников — „изгоев“, и отсюда они ходили с дружинами своими и половцами потрясать престолом „отчичей и дедичей“ на Русь Киевскую.

Чувства же единения Руси в то время, в смысле этого слова, и не существовало; пролетали только редкие ласточки, вроде Любечского съезда, на котором князья высказались за мирную политику и ополчение князей на половцев. Напротив, княжеские системы и отдельные княжества воссвали между собою по всяким причинам: и за великокняжеский престол, и за первенство в роде, и из-за личных обид и оскорблений. Города разорялись, селения уничтожались; жители массами уводились в плен — ими князья победители колонизовали свои пустынные волости. Никакие степняки и сами монголы не причинили столько бед и несчастий русской земле, как сами же свои князья. Особенно же выделялись жестокостями и крутыми мерами Великие князья Суздальско-Владимирские, стремившиеся уничтожить первенствующее значение Киева и создать центр в начинавшейся тогда формироваться Московии. Вообще период 1054—1237 г., пока татары не наложили свою руку на князей и не стали строго карать их за своеволие и насилие, можно назвать периодом руины Руси.

Все это Русь степная, Азовско-Черноморская, втянувшая в себя черноключицкий элемент, Придонские бродники, Днестровско-Дунайские берладники, Днепровские северуки, видели своими очами.

Монгольские порядки, поведение и обращение войск Чингис-Хана, отношение его военачальников могло казаться им куда лучшим и более приемлемым, чем поведение и отношение князей не раз заглядывавших на Дон.

Монголы удалились за Волгу (1224) и появились снова на Руси только почти через десять лет. До того времени они были заняты консолидацией монгольской империи в самой Азии и не имели еще воинственных планов ни на Европу, ни на Аравию. Царевич Мангу, о котором слышали, что он принял христианство, отправился с посольством в Киев, предлагая признать монгольское главенство, но послы были вновь перебиты князем. Это вызвало страшный гнев хана — особы послы были священны и оскорбление их считалось оскорблением особы самого хана.

Участь Руси была решена: хан Бату (или Батый), покорив сопротивляющиеся города огнем и мечем, ввел там свой административный контроль и занялся упорядочением ее внутреннего строя. Главнейшей заботой татар было прекращение: междоусобий, княжеских поборов с населения, взыятий церковных ценностей; упорядочение администрации и финансов.

Была произведена перепись населения, установлено единое податное обложение, введена новая монетная система — серебряной монетной единицей стал рубль разделенный на 216 копеек, по всей стране были сооружены почтовые тракты, обслуживаемые гоним по ямах — установлена ямская служба, ямщики.

В особенности, во времена монгольского владычества, на Руси вздохнула церковь. Ханы выдавали митрополитам золотые ярлыки ставившие церковь в совершенное независимое положение от княжеской власти. Суд, доходы — все это подлежало ведению митрополии и, перазираемая усобицами, необбираемая князьями, постоянно нуждавшаяся в деньгах для войн, церковь быстро приобрела материальные средства и многочисленный люд, искавший при ней убежища от княжеских своеволий. Она сосредоточила в своих руках большие земельные и материальные богатства.

Вл. Куртин.

К у б а н и.

Война только начиналась. Впереди предстояли неизведанные впечатления, тревоги, опасности: быть может — смерть...

Но о смерти как-то не думалось: чувствовался избыток сил, была непоколебимая уверенность в победу, влекла жажда подвигов, стремился к чему-то необычайному, захватывающему...

Блестящий бой с турками на Чингильском перевале, взятие Баязета, ошеломленного предателями, живыми рассказами о славном „Сидении“ в нем наших отцов; черные плетенные и первые боевые награды — все это наполняло мою душу восторгом, радостью сознания своего участия в начавшейся Великой Войне.

Мы стояли на большой транзитной дороге, ведущей из Алашкерта в Персию. Неширокая долина замыкалась с трех сторон горами, оставляя на западе узкий корридор, куда завтра нам предстояло идти. На северо-востоке, блистая алмазами векового снега, высилась царственная вершина священного Арабата.

Густой дым от костров, синими одеялами расстилавшийся по самой поверхности земли, гомон казаков, ржанье лошадей, властные звуки трубы, игравшей в дальнем бивуаке Кавказского полка „поход“, брызнувшие из-за гор на долину лучи яркого солнца, самый вид бивуака на вчера еще чужой, а ныне нашей земле — все это зачаровывало меня пленительной новизной и поэзией военно-походной жизни.

Я стоял веселый, бодрый и горделиво смотрел на массивы Мадур-Дага, за которыми скрылись наши враги...

И вдруг, — из бивуака Кавказского полка понеслась торжественная мелодия нашей песни-молитвы о Кубани, заставившая больно и, вместе, радостно встрепенуться мое сердце. —

„Из далеких стран полуденных,
Из турецкой стороны —
Шлют привет Тебе, Родимая,
Твои верные сыны...“

То пели казаки, уходившие от нас назад, к Баязету. Вот они уже вышли на дорогу; передние, спустившись с кургана, скрылись в ущелье, а в воздухе дрожит, повторяемое эхом:

... Шлют привет Тебе, Родимая,
Твои верные сыны...

Прими привет и от меня, моя Родимая, безумно любимая!..

Прими и знай, что не покраснеют волны твои от стыда за нас, как никогда они не краснели за отцов и дедов наших!..

Высоко, высоко надвываясь и небо, окружили горы селение Хадых, где стояли мы батальоном, выставя заставы на высотах к западу.

Будто гигантскими белыми морщинами, покрыты скаты гор снеговыми валами. Самых-же вершин не видно: они вечно окутаны тучами, покрыты пеленой снежных буранов.

Стоянка была для нас „отдыхом“, после нескольких месяцев тяжелых походов, жестоких боев.

Многие из наших станичников уже спят вечным сном в братских могилах Сарыкамыша, Караурчана, Зивина, — разбросаны в безвестных одиноких могилах на снежных полях Алашкерта, в труппах Еникея, в лесах Меджин-герта...

Интересного впереди уже не ждали... те-же горы, холод и голод... Поэзию Войны уже давно сменили тяжелые будни...

Была тихая, на редкость ясная, морозная ночь. Выплывшая из-за снежных вершин луна заливала серебряным снегом скаты, купалась в ответных лучах вершин; заглядывала в широкие трубы сакель, бросая на пол трепетно-нежные блики.

Я стоял на крыше сакли, охваченный воспоминаниями о жизни до Войны, о родной станице. С страстной мольбой я протягивал руки к горам, прося их расступиться и, хоть на миг, показать мне далекую милую Родину. Но они стояли молчаливые, застывшие, скованные той-же тоской по безвозвратно ушедшему...

И вдруг, — с западных высот, как-будто с самого неба понеслась могучая, родная мелодия нашей песни-молитвы о Кубани:

... Из далеких стран полуденных,
Из турецкой стороны —
Шлют привет Тебе, Родимая,
Твои верные сыны...

В морозном воздухе как-бы застыло, преломившись в мельчайших яглах спешной пыли —

... Шлют привет Тебе, Родимая,
Твои верные сыны...

Слезы выступили у меня на глазах. Еще большее сжалось сердце...

Прими привет наш, Родимая, безумно любимая!.. Прими и знай, что не покраснеют волны твои от стыда за нас, как никогда они не краснели за отцов и дедов наших!..

Сырые туманы ползут по ущельям, обволакивают утесы, хоронят в себе дремучие дубовые леса, скрывают от взора игривую речку в долине и до нас доносится лишь глухой гул ее разбивающихся об утесы волн. Болнующейся, необъятной пеленой залегли они ниже наших позиций и только далеко на юге блестят вершины гор Понгийского Тавра...

За нами уже два с половиною года войны. Постарели немногие уцелевшие в боях казаки. Много славных страниц написали они своими штыками в знойных горах Лавистана, на песчаных полях Галиции, в лесах Буковины... Смертельно устали. Раны болят. Ноют от ревматизма опухшие ноги. Больно зудит покрытое чесоткою тело...

Тесно сгрудившись в окопе, мы сидим сжавши винтовки, ожидая нападения турок.

Едкий туман предательски проникает сквозь бурку, холодит тело и, кажется, раз'едает самую душу... Молчание...

И вдруг, как-бы сговорившись, мы затыгиваем нашу песню-молитву о Кубани и вместе с клубами тумана несется наше:

Из далеких стран полуденных,
Из турецкой стороны —
Шлют привет Тебе, Родимая,
Твои верные сыны!..

И — забыта усталость. И не болят раны. И мы знаем, что мы всё перенесем, лишь бы не покраснели волны Твои от стыда за нас, как никогда они не краснели за отцов и дедов наших!..

Сейчас зима. Чужие горы окружили пустыню, заболоченную равнину, на которой черными гусеницами прилипли к земле длинные бараки...

В них живут казаки...

Прикрылись рваными, вшивыми шинелями и угрюмо слушают завыванье непогоды.

И уж не поют песню-молитву о Кубани!..

И я уж не шепчу ей в молитвенном экстазе:

„Не покраснеют волны твои...“
— Увы, покраснели!..

Сможем ли хоть теперь с них краску стыда за наши ошибки?..